

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
ЧУВАШИЯ

г. Чебоксары

18 ИЮН 1981

ГЕРОИ ЖИВУТ РЯДОМ

В творческой судьбе много актера есть роли, которые не уходят в прошлое вместе с фильмом, а остаются в его сердце на долгую жизнь. Для народного артиста СССР Павла Кадочникова такой «памятью сердца» стала картина по одноименной книге Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке». В ней актер создал легендарный образ летчика капитана Мересьева. С этой лентой связано много волнующих воспоминаний, дорогих памяти актера.

Недавно мне довелось встретиться с народным артистом СССР Павлом Петровичем Кадочниковым в доме отдыха кинематографистов в Репино, недалеко от Ленинграда, его родного города. Приближался праздник Победы. И наша беседа коснулась темы войны, героизма советских людей. И артист рассказал о нескольких последовательных встречах, которые наиболее близки и памяты ему.

— Вместе с моим другом Владимиром Балашовым мы ехали на съемки фильма «Иван Грозный». Заговорились и не сразу услышали, как в дверь нашего купе кто-то тихо постучал. Дверь открылась, и появился человек невысокого роста в серой потрепанной шинели, с котомкой за плечами. Он робко потоптался на месте и, застенчиво улыбувшись, спросил:

— Это место свободно?

Получив утвердительный ответ, снял шинель и присел с краю. Тут я увидел на его груди звезду Героя Советского Союза и много других наград.

Невольно заинтересовавшись моим попутчиком, спросил:

— Скажите, пожалуйста, за что Вы получили такое высокое звание?

— Героя-то? Я — один из панфиловцев.

— Ничего не понимаю, — ответил я. — Ведь все двадцать восемь героев-панфиловцев погибли на подступах к Москве осенью сорок первого...

Он закурил нижнюю губу и, как мне показалось, с трудом выговаривая слова, продолжал:

— То-то и есть, что погибли, товарищ дорогой. Один я живой остался... — И словно перенесшись в то грозное военное время, он продолжал. — Ведь, если разобраться, танки-то — оружие нестрашное. Ты только в бою от него не убегай,

от танка-то. Ты около него, около него крутись. Тогда всегда победителем будешь. У нас окоп узкий был. Так ведь что фашист надумал? Он гусеницей в окоп все норовит, понимаешь, примять хочет. А у нас ребята, как оидя, подобрались со смекалкой. Как гусеница мимо пролазает, тут сразу и бросаешь бутылку с зажигательной смесью. Другой танк проползает возле тебя — снова его поджигаешь. Вот так мы и не пропустили пятьдесят фашистских танков, прорывавшихся через Волоколамское шоссе к Москве.

Что было потом, не помню. — продолжал он. — Удар сильный получил, потерял сознание. После того боя один старик меня еле живого обнаружил. Сначала в сторожку отволот, а потом в госпиталь переправил. После выздоровления меня уже на Ленинградский фронт направили. Там-то я и узнал о награде. Все считали, что никто не остался в живых после того боя. Сам знаешь, вина... А дело было так. Сину с солдатами в блиндаже. Тишина вокруг жуткая. Все волнуются в ожидании боя, только виду никто не подает. Поглядел я на них и говорю: «Ой, ребята! Что-то тихо у нас тут. Как в санатории сидим». И стал им про то танковый бой рассказывать. Так веришь ли, у них и страх пропал. Обо всем этом комиссар услышал. Вызывает меня к себе и говорит: «Шемякин, дружище, а ну выкладывай, в каком это ты танковым бою участвовал». Ну я ему все и рассказал. А он, веришь ли, говорит: «Шемякин, ты родной мой, чего ты мне сразу не сказал? Ты сам не знаешь, какой ты человек. Тебе ведь посмертно присвоено звание Героя Советского Союза». Как он мне сказал это, так у меня колени и подкосились...

— Солдата Шемякина я

часто вспоминал, — продолжал свой рассказ Павел Кадочников. — когда снимался в фильме «Повесть о настоящем человеке».

После небольшой паузы Кадочников раскурил трубку и припомнил другую историю.

— Я вылетал самолетом в Москву. Вошел в салон. Он был почти полон. Только два кресла оставались свободными. Я сел в одно из них. Через иллюминатор было видно, как по трапу, тяжело опираясь на палку, поднимался человек в кожаной куртке. Он вошел, увидел свободное место и устало опустился в кресло. Вынув платок, вытер вспотевший лоб и, вздохнув, сказал: «Сегодня очень жарко». С этого началось дорожное знакомство. Мы разговорились.

— Куда летите? — спросил он.

— На днях будут отмечать 50-летие Мересьева. Лечу на юбилей.

— Так вы, значит, Алексея Мересьева увидите? — спросил он. — Будете добры, пожалуйста, передайте ему привет и большое спасибо от летчика-испытателя... бывшего летчика-испытателя майора Круглова. Он ведь мне жизнь спас.

— Во время войны? — заинтересовался я.

— Нет, в 1965 году. Я осваивал сверхзвуковые самолеты. Машины эти, конечно, надежные, но вот с моей произошла непредвиденная авария. Случилась она, когда самолет уже шел на посадку. Я понял, в чем тут дело: гидравлика подвела. Но было уже поздно. «Разобьется, и никто не узнает о причине катастрофы». Я катапультировался, хотя понимал, что это бесполезно. Все равно смерть: скорость большая, и самолет низко летит. Сколько времени прошло, не помню. Очнулся... Я висел на сосне на парашютных стропях.

Сосна росла над глубоким обрывом, поросшим кустарником. Я посмотрел вниз и увидел вместо ног две кровавые сосульки. «А почему мне не больно? Почувствовал резкую боль. Стал ножом обрезать парашютные

стропы. Видно, неудачно это у меня получилось — упал с сосны и покатился в обрыв, потерял сознание. Очнулся я и первое, о чем подумал, что закрыт ветками и никто меня не найдет. И вот тут-то и вспомнил Алексея Мересьева, картину вашу. Он выдержал, подумал, а я что же? И пополз. Десять часов я из этого обрыва выползал. И все-таки выбрался...

Товарищ Кадочников, когда вы будете Алексея Мересьева поздравлять, передайте ему привет от бывшего летчика-испытателя Круглова.

— Прошло уже много лет после войны, — говорит Кадочников. — За сорок с лишним лет работы в кино сыграно множество ролей — героических, лирических, комедийных. Но если бы их даже не было, то ради только одной роли Мересьева стоило жить и работать в искусстве.

В 1952 году советская делегация приехала в Чехословакию на международный кинофестиваль. Демонстрировался и фильм «Повесть о настоящем человеке». В открытом летнем кинотеатре собралось несколько тысяч человек. Когда картина кончилась, аплодисментам не было конца. От всеобщего ликования, хлынувшего в эти минуты на сцену, поверьте, у меня от волнения спазмы сжали горло. Тут я заметил, как сквозь толпу к нам пробирается пожилая женщина. Она подошла ко мне и сказала слова, которые я никогда не забуду: «Мой сын погиб на войне, — начала она, после чего зал сразу затих. — Я — мать и никак не могла привыкнуть к мысли, что его больше нет, что больше никогда не увижу своего сына, никогда не поглажу его по голове, не загляну в его глаза. Я счастлива, что до сих пор не верила в это. Мой сын не погиб: вот он, сошел с экрана и стоит передо мной. Он — тоже мой сын». Женщина повернулась ко мне, взяла мою руку и надела на палец кольцо. Запинаясь от волнения, я стал отказываться от подарка. Но женщина настаивала: «Если вы не хотите обидеть меня, то возьмите его. Это наш семейный перстень, он достался мне от моего прадедушки. Я должна была надеть это кольцо на руку моего сына, когда он вернется с победой. Если у вас есть мать, я буду вашей второй матерью, если нет — считайте, что вы ее нашли». И она ушла. Мы были настолько поражены и взволнованы, что никому в тот момент не пришла в голову мысль остановить ее и спросить: «Кто вы, как вас зовут?».

Все мои попытки отыскать ее, к сожалению, не увенчались успехом. Через несколько лет мне предложили сниматься в фильме «Балтийская слава» в роли капитана Ордынцева, перешедшего на сторону революционных моряков. Я попросил разрешения режиссера сниматься в этой роли с тем самым перстнем. Он удивленно спросил: почему? Я ответил, что он будет напоминать мне о чести рода, вселять мужество в трудные минуты. Картина демонстрировалась и за рубежом. Через полтора-два года после выхода ленты на экран я получил письмо из Чехословакии:

«Милый сын! Я видела, как ты вел свой корабль в бой за Родину. И как ты в трудные минуты смотрел на перстень, который я тебе подарила. Я счастлива, что ты помнишь меня. Твоя мама».

Спустя много лет я снова оказался в Чехословакии. Однако увидеть мою названную маму мне так и не довелось. На том письме не было ни ее имени, ни обратного адреса. Мне это представляется глубоко символичным. Ведь Алексей Мересьев — не только конкретный человек, но и собирательный образ, пример героизма, мужества и стойкости советских людей. Именно таким каждая мать хотела видеть своего сына. Она могла быть матерью советского солдата Шемякина, и летчика-испытателя Круглова, и сотен других известных и безымянных героев.

Андрей ПЛУЧЕК,
корреспондент АПН.